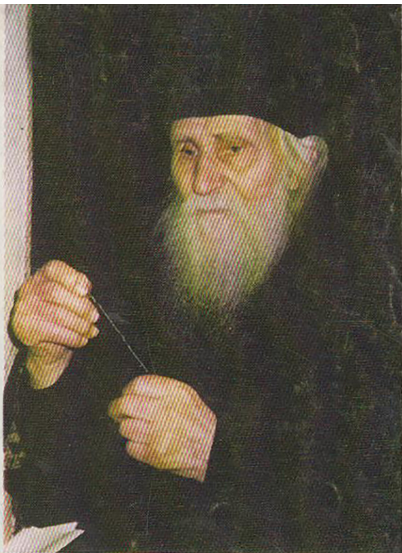

*«Мой первый приезд
к отцу Николаю прои-
зошел летом 1985 года,
когда еще на остров ре-
гулярно ходила "Заря"
и когда старца почти
никто не знал...»*

Записки о старце Николае,

составленные
его духовным чадом,
грешным иеромонахом
Нестором

Игумен Нестор (Кумыш) Записки о старце Николае, составленные его духовным чадом, грешным иеромонахом Нестором

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43454444

*Записки о старце Николае, составленные его духовным чадом,
грешным иеромонахом Нестором / Иеромонах Нестор (Кумыш):*

Сатисъ; Санкт-Петербург; 2003

ISBN 5-7373-0191-5

Аннотация

Прошел год со дня кончины старца Николая. Записки отца Нестора (Кумыша) – это не только воспоминания о встречах со старцем, но, прежде всего, – размышления о том, что явил старец своим духовным служением современному миру. «Из всех удивительных и необычайных для нашего времени благодатных даров, которыми Господь украсил Своего верного раба – Залитского затворника и подвижника – два из них, пожалуй, наиболее удивительные. Это – его любовь и смирение».

**Иеромонах
Нестор (Кумыш)
Записки о старце Николае,
составленные его
духовным чадом, грешным
иеромонахом Нестором**

По благословению Архиепископа Бельгийского и Брюссельского

СИМОНА

Мой первый приезд к отцу Николаю произошел летом

1985 года, когда еще на остров регулярно ходила «Заря» и когда старца почти никто не знал. Я прибыл во Псков во второй половине дня. Сойдя с поезда и придя на пристань, я узнал, что пароход делает всего два рейса в день – в семь утра и в два часа дня. Был пятый час пополудни. Ночевать мне было абсолютно негде, и поэтому надо было как-то добираться до острова. Но как? Про дорогу через Толбицы я тогда ничего не знал. На пристани стояло прогулочное судно из Тарту с эстонцами-туристами. Поднявшись на палубу и пройдя в капитанскую рубку, я узнал, что через час судно отправится в обратный путь по озеру и будет проходить мимо Залита, но на сам остров заезжать не будет. Зайдет только на некоторое время на соседний остров Белов, который находится от Залита в шести километрах водного пути. «Что делать? Рискну», – решил я и попросил капитана взять меня до Белова. Через час мы тронулись в путь. Пароходик казался пустым. День стоял солнечный. Разморенная дневной жарой и утомленная путешествием публика отдыхала по каютам. Найдя укромное место на палубе, где я никому не мешал и где меня никто не видел, я поудобнее устроился и предался созерцанию красивых берегов реки Великой. Вскоре пароходик вышел в необъятное Псковское озеро, и пейзаж сменился. Его однообразие мне быстро наскучило. Чтобы скоротать время, я раскрыл молитвенник и стал читать акафист Иисусу Сладчайшему. Насытив свой дух молитвой, я глянул в озерную даль. Однако заветный остров, который я поджи-

дал с легким волнением, не появлялся.

Не найдя, чем бы еще себя занять, я поднялся наверх, по-

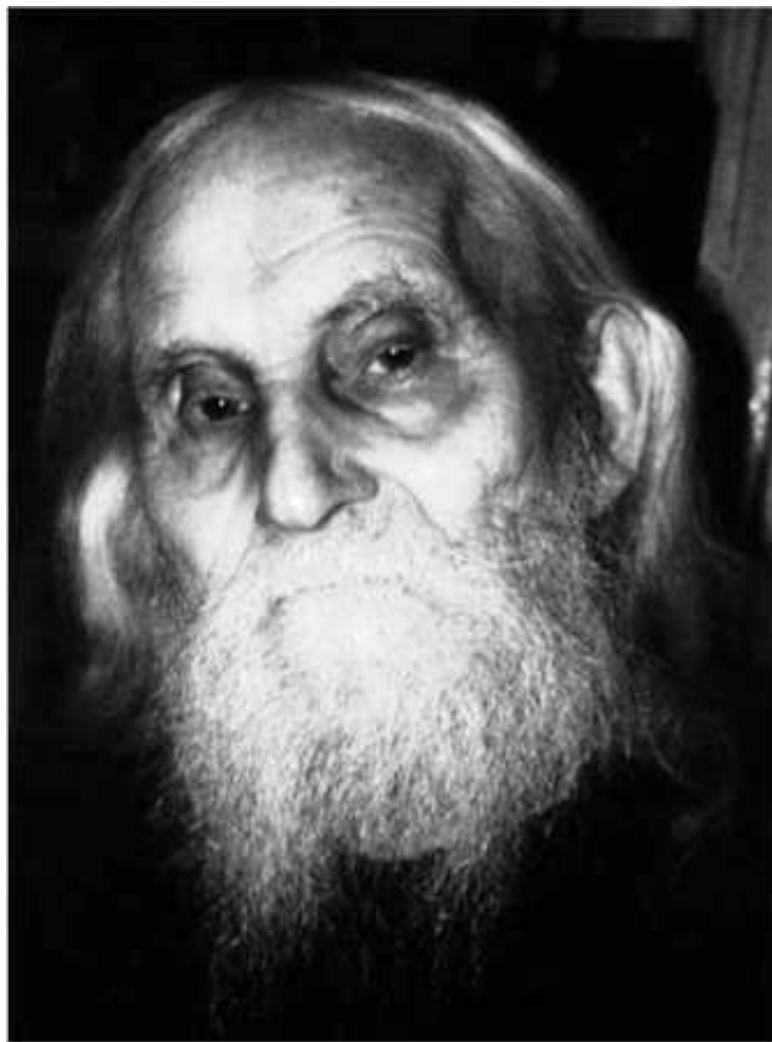
ходил туда и сюда по палубе и, сам не зная как, оказался в рубке капитана, который оказался на редкость общительным человеком. Он с привычным вниманием покручивал свой штурвал. Мы разговорились. Я не обладаю счастливой способностью быстро сходитья с людьми. Однако добродушный капитан, от которого исходила спокойная уверенность, своей открытостью и широтой натуры быстро расположил меня к себе. Беседовал я с ним, как с давно знакомым человеком. «А-а, ладно, – сказал неожиданно в конце разговора капитан, – поехали на Залит, так и быть, отвезу».

Через полчаса парходик причалил к берегу острова Залит. Экскурсанты-эстонцы лениво вышли из своих кают, чтобы посмотреть, куда они прибыли. Узнав, что это не Белов, они молчаливо провожали меня вопросительно-равнодушным взглядом. А на самом берегу острова, у пристани, скопились ребятишки и другие обыватели острова, пришедшие посмотреть на причалившее в неурочное время судно и выяснить, по какой причине оно приплыло. Для островитян незнакомый парход, прибывший не по расписанию, – это целое событие.

Под любопытными взорами местной детворы и рыбаков я спустился на берег, помахал напоследок рукой доброму капитану и направился к церкви, которую заприметил задолго до причала благодаря высокому шпилю ее колокольни. Церковь оказалась закрытой. Узнав, где живет отец Николай, я направился в указанном направлении, стараясь не наступать на раскиданные по обеим сторонам тропинки рыболовецкие сети. Подойдя к домику, я осторожно постучался. Довольно продолжительное время не было никакого ответа. Но вот в сенцах послышалось копошение и затем неторопливые шаги. Дверь приоткрылась, и я впервые увидел стар-

ца. Он был в поношенном подрясничке и выглядел как-то уж очень просто. Ни величавости, ни духовной строгости, ни значимости и вообще ничего такого, что указывало бы на его исключительность, я не находил в его облике. Он держал себя предельно скромно и казался обыкновенным стареньким батюшкой. «Вы что хотите-то?» – услышал я вопрос старца. «Меня послал к вам архимандрит N», – ответил я. «Да ведь я немощный и старый, ничего не могу. Зачем же он ко мне посылает?» – непритворным голосом произнес отец Николай. И в первый момент я поддался этой невзрачности представшей передо мной картины. «Старенький священник, каких много. Неужели зря ехал в такую даль?» – мелькнуло в моей голове. Не таким рисовался старец в моем воображении. Я застыл в легком недоумении, но все-таки дверную ручку из своей руки не выпустил. Не помню, сколько времени провел я в своем замешательстве. Прервалось оно внезапным приглашением старца: «Ну ладно уж, проходите». Я обрадовался и с поспешностью схватился за свой портфель. Однако на самом пороге домика старец вдруг остановил меня весьма странным вопросом: «А ты хорошо выучил, как пишутся частицы “не” и “ни”?»

Смысл этого обращения я понял не сразу. Мне стали ясными слова старца только на следующий день, когда я на рыболовецком катере плыл по озеру в обратный путь. В то время я учился на предпоследнем курсе Педагогического института и проходил практику в школе, преподавал русский язык и литературу. Своим вопросом старец давал мне понять, что ему известен род моей деятельности. Это был как бы ответ на мой мимолетный помысл о том, что, может быть, зря я ехал в такую даль. Но в тот момент, когда этот вопрос прозвучал, я, сбитый с толку его необычностью, не успел ничего сообщить. Я не привык к столь оригинальной манере общения, с которой до знакомства со старцем не встречался.

Надо сказать, что отец Николай обладал уникальной способностью приводить в нужное состояние тех, кто к нему приезжал. Ему необходимо было вызвать в нас ту особую расположенность и духовную чуткость к своим словам, которой у нас, людей, прибывающих из мира и зараженных его духом, конечно, не было. Нас всякий раз надо было приводить в чувство и очищать от той внутренней неподготовленности, которая проистекала от нашей собственной страстности и от приражений духа мира сего, которые мы всегда носим в себе. Здесь же, на острове, возле кельи старца, человек попадал в совершенно особое духовное измерение и не всегда сразу это понимал. Назидание, за которым паломник приезжал сюда издалека, должно было лечь на подготов-

ленную почву. Оно всегда было предельно лаконичным, но, несмотря на краткость, касалось самых глубин души вопрошавшего и заключало в себе огромную духовную пользу. Об этой-то пользе «единого на потребу» батюшка и заботился более всего. Своей манерой общения старец как бы внушал: «Вы приехали сюда не шутки шутить и не на прогулку. Здесь, на острове, вы услышите то, что имеет отношение к вашему спасению и к вашему дальнейшему жизненному пути. Поэтому оставьте свою обычную легковесность и мирскую беспечность».

Видя, что имеет дело с тугодумом, отец Николай, не дожидаясь моего ответа, стал подниматься в домик по ступенькам узенькой лесенки. Когда мы пришли в маленькую кухню, первым делом батюшка включил свет и подвел меня к картине, изображавшей будущий Страшный Суд.

Сделав выразительный жест в сторону страдающих в адских муках, он сказал: «Как страшно попасть сюда-то, хорошо бы избежать сего да к праведным присоединиться, где веселие вечное». Да, действительно, старец был прав: своей будущностью в вечности, по большому счету, я не жил. (Да и сейчас, пожалуй, в том же грехе пребываю.) Все оценивал и измерял сегодняшним днем, рамками земной жизни, растворяясь в веке сем. «Нельзя так жить», – это был первый урок старца.

Затем последовал второй урок. Батюшка поставил передо мной тарелку клубники с сахаром, отрезал ломоть булки, на-

мазал его маслом и велел есть. Угощение пришлось кстати, так как я с дороги весьма проголодался. Пока я ел, старец удалился в свою комнатку. Как я ни был голоден, но почему-то после нескольких ложек насытился. «Батюшка, я больше не могу. Можно мне оставить?» – сказал я. «Нет, нет, – слышалось возражение, – я люблю, чтоб до сытости». И это была неожиданная вторая правда. Я на самом деле всегда ел, что называется, «до упора». Более двадцати лет прошло после первой поездки на остров, но до сих пор я, «чернец окаянный», не могу преодолеть эту любовь к вкушению пищи «до сытости».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.